

ЩЕКА Ю. В.

ГАРМОНЕМА И ТАКТЕМА КАК ИНТОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Традиционно совокупность просодических характеристик речи относят к так называемым неопредельным (недискретным) фонетическим единицам. Основание для их противопоставления обычным, предельным единицам усматривается в том, что просодические характеристики принимаются за якобы неделимые: «чтобы уловить эти показатели и описать их в системе, не следует ни начинать с уже выделенных слов, ни стремиться к их предельному членению. Напротив, следует начинать с широких кусков звучащей речи и стремиться к тому, чтобы уловить изменения фонетических характеристик именно на этих целых широких участках» [1]. Просодические характеристики как фонетические единицы на самом деле проявляются во всей значимости на уровне предложения, текста, как, впрочем, и единицы языка (морфемы, слова, словосочетания) полностью реализуются, лишь функционируя в предложении, в тексте. Однако из этого вовсе не следует, что они неделимы.

Если деление предложения на словосочетания, слова, морфемы и фонемы изучено сравнительно хорошо, то интоналогические единицы языка находятся лишь в стадии выявления. Попытка определения последних содержится, например, в работе И. Г. Леонтьевой, которая говорит об интоналогических единицах двух типов, выполняющих соответственно коммуникативную (выражение коммуникативного типа предложения) и экспрессивную (выражение актуального членения) функции [2]. Ту же общую направленность имеют работы других лингвистов, как отечественных, так и зарубежных, в которых роль коммуникативной интоналогической единицы играет интонаема (Захер) или мелодема (Эссен) [3, с. 209]. Д. Болинджер и К. Пайк в качестве лингвистически значимых единиц выделяют интонационные контуры, а французские лингвисты — интонационные уровни [4]. Несмотря на определенные успехи, в целом интоналогические единицы еще нельзя считать выявленными, что, по нашему мнению, еще раз и выражается в подходе к просодии как к неопредельным фонетическим явлениям. Неопредельными, неделимыми они нам представляются только потому, что соответствующие единицы еще не известны.

Главным препятствием здесь, на наш взгляд, является недостаточное внимание исследователей к музыкально-гармонической стороне речи. В настоящей работе мы попытаемся показать, что учет этой стороны дает ключ к созданию интоналогии. Отметим также крайнюю необходимость привлечения основных результатов изучения интонации не только западноевропейских и русского языков, но и языков тюркских, в частности, турецкого.

Вопрос о применимости к речи ладово-гармонических категорий остается в настоящее время открытым. Мнения специалистов по этому поводу

весьма противоречивы. С одной стороны, еще в конце прошлого века Й. Шторм писал о родстве речи и пения: «пение представлено в мелодике речи в виде зародыша... музыкальная природа речевой мелодики особенно сильно проявляется в различении устойчивых и неустойчивых тонов» [5]. Ноты и музыкальные понятия активно использовались при описании интонации¹. О. Есперсен писал, что «разговорная речь, как и музыка, обладает тональностями; в датском языке говорят почти исключительно в мажоре и лишь иногда в миноре» [7]. Исследователь турецкой интонации Р. Нэш отмечает: «В конце предложения интонация завершается на тонике или на одной из ступеней тонического трезвучия, ...в то время как в нефинальных частях предложения звучат третья, четвертая, пятая или... седьмая ступени...» [8]. По мнению некоторых лингвистов, повествовательное предложение в русском языке оканчивается нисходящей к тонике квинтой, а вопросительное — восходящей большой терцией [9].

С другой стороны, музыкально-гармоническая сторона речевой интонации в разделах фонетики практически не изучается. Некоторые фонетики вообще пишут об отсутствии в речи ладово-музыкальных соотношений. Так, сравнивая интонограммы обычно произнесенной фразы *O, wie ist es kalt geworden!* и ее вокализированной передачи (пения), О. Эссен приходит к выводу об отсутствии в речи более или менее длительных звуков определенной ЧОТ (частоты основного тона). Он пишет: «...кривая изменения ЧОТ в речи не обнаруживает четких интервалов, какие мы привыкли слышать в музыке, ...изменяющиеся частоты... не состоят друг с другом в соотношениях, соответствующих нашей музыкальной системе; эти соотношения... иррациональны» [3, с. 202]. Многие лингвисты говорят лишь о высотных (но не гармонических) соотношениях тона в речевой интонации, при этом отрицается необходимость фиксации абсолютных значений ЧОТ и предлагается учитывать лишь то, что один тон выше или ниже другого [10].

Доводы противников применимости музыкально-ладовой структуры к речи нельзя признать убедительными, в их работах много внутренних противоречий. Так, в цитированной работе О. Эссена на следующей же странице говорится о наличии в речи звуков вполне определенной ЧОТ в сильно- и средневыделяемых слогах, которые «можно с легкостью идентифицировать» [3, с. 203]. В этой же работе приводятся результаты экспериментальных исследований, подтверждающих тесную связь интонации с музыкально-ладовой структурой, например, эксперименты Мейнсма и Ван Гельдера, показавшие, в частности, что нисходящие большая терция и квинта несомненно являются формой завершающей мелодики повествовательного предложения [3, с. 203]. Что же касается фиксации абсолютных высот звуков речи, то они важны, конечно, не сами по себе, а для выяснения соответствующих лингвистических закономерностей, которые можно вывести лишь на основе точных и исчерпывающих экспериментальных данных в каждом конкретном примере.

Отправным пунктом при решении рассматриваемого вопроса является, на наш взгляд, то, что гласные в слогах наибольшей или средней выделенности имеют определенное (пусть обычно небольшое по сравнению с длительностью всего слога) время стабильности ЧОТ — факт, ни у кого не вызывающий возражений. Исходя из этого, можно утверждать, что звуки речи соотносятся друг с другом не только по высоте; одновременно они

¹ См., например, работу по французской интонации, полностью основывающуюся на нотах [6].

просто не могут не соотноситься и по своим ладово-гармоническим характеристикам, которые являются не субъективными, а глубоко объективными. Еще Гельмгольц (1877 г.) показал, что устойчивость и неустойчивость, консонанс и диссонанс звуков зависят от наличия биений (или, иначе, от степени частотных совпадений) между тонами и их высшими гармониками [11]. Сущность терминальной и прогрессивной интонации связана не только с высотными изменениями мелодики, но и со сменой устойчивых и неустойчивых звучаний. Можно предположить, что само ощущение законченности, возникающее при восприятии тоники, развивалось в тесной взаимосвязи с речью, где всякая законченная мысль оформляется соответствующими интервалами и тоникой: «...музыкализации интервалов предшествовало их очень постепенное, длительное выделение из повторов одних и тех же постоянных ритмо-интонаций» [12].

Экспериментальный анализ подтверждает высказанные утверждения. Нами было исследовано 49 фраз, выбранных из записанных в студийных условиях на магнитофонную ленту живых разговорных диалогов, начитанных двумя дикторами, для которых турецкий язык является родным и которые владеют турецким литературным произношением. Данные обрабатывались на интонографе конструкции ЛЭФИПР. Подавляющее большинство всех тонов каждой из исследовавшихся фраз ложится на соответствующие ступени той или иной мажорной или минорной тональности. Так, из 688 тонов, для каждого из которых стабильная интенсивность или, вернее, певучесть, понимаемая как суммарная интенсивность в см за время стабильного звучания данного тона, составляла¹ более 5 единиц, лишь 105 тонов (15,3%) оказалось внеладовыми. Таким образом, можно говорить о квантованном характере интонационно-мелодических переходов в речи, т. е. о том, что ЧОТ каждого последующего гласного не может быть в принципе любой, а реализуется преимущественно на одном из дискретного набора значений (на одной из семи ступеней лада). Это и позволяет утверждать, что каждая фраза в турецкой разговорной речи звучит в определенной тональности.

Сказанное относится лишь к тонам, певучесть (выделенность) которых превышает некоторый минимальный уровень (у нас он был принят за 5 единиц). Помимо этих тонов, в слогах обычно наблюдается много различных нестабильных, переходных звуков, что и привело, видимо, О. Эссена к выводу об «иррациональности» речевых интервалов (см. выше)². Разница между речью и пением не в том, что в речи интервалы «иррациональны», а в пении гармоничны, но лишь в том, что время стабильности ЧОТ (певучесть) гласных в речи обычно значительно меньше времени звучания всего гласного; в пении же гласный целиком реализуется на определенной ЧОТ.

Недостаточное внимание лингвистов к музыкально-гармонической стороне речи приводит к тому, что описание единиц языка (как рассмотрение материально-идеальной оболочки знаков, так и их понимание в целом) остается существенно неполным.

Единицы языка понимаются как «определенное единство содержания и выражения» (фонема, морфема, слово, предложение и др.) [13]. План содержания и план выражения обладают многими принципиально различающимися параметрами, существует «глубокое отличие грамматической

² Наличие переходных внеладовых тонов не нарушает ладотональную структуру фразовой интонации. В обычной музыке, безусловно обладающей такой структурой, также наблюдаются внеладовые тоны, например, в хроматических пассажах, и не только в них.

категории от линейной единицы — фонемы, морфемы, слова... Грамматические категории имеют другое измерение: они глубинны и объемны. Они находятся не на линии текста, а в пространстве языка» [14]. Одновременно оба эти плана тесно связаны друг с другом, и неучет какой-то стороны плана выражения отрицательно сказывается на нашем понимании всей системы языка в целом.

Физико-акустической основой фонемы является, как известно, некоторый набор формант, каждая из которых связана с усилением гармоник данной частоты. Само же существование гармоник и различная степень их совпадений для любой пары звуков в лингвистической теории не учитываются. Между тем совпадению или несовпадению гармоник как факту плана выражения соответствует определенное значение, т. е. определенный план содержания, что позволяет говорить о такой системе, в рамках которой гармоник гласных различной высоты, соотносясь друг с другом, несут определенные значения — так же, как это имеет место для взаимной соотношенности наборов формант в рамках фонологической системы данного языка. Речь идет о системе музыкального лада, полной парадигмой которой является известный набор семи дискретных тонов с определенным соотношением ЧОТ. В этой системе тоны имеют значение устойчивости, законченности или, наоборот, неустойчивости, незаконченности, вопросительности, т. е. в сущности обнаруживают семантику, связанную с сегментацией речевой цепи и коммуникативной формой предложения. Определенный тон этой системы (I ступень лада) является «устойчивым, опорным элементом ладовой структуры... и имеет ладовую функцию тоники. Ладовые функции доминанты (V ступень) и субдоминанты (IV ступень) ...выражают ладовую неустойчивость» [15]. В соответствии с теорией функций ладов функции всех других гармоний, основывающихся на других (кроме упомянутых I, IV и V) ступенях, могут быть выведены из рассмотренных трех [16].

Из сказанного вытекает, что если учитывать не только форманты, но также и другие значимые физико-акустические параметры гласного, то необходимо говорить о его вхождении сразу в две семиотические системы, которые можно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Вид системы	Физико-акустический коррелят	Образ	Семантика
1. Фонологическая система 2. Ладовая система	Набор формант Гармоники	Акустический образ гласного Восприятие тона гласного по отношению к ладу	Фонематическая значимость гласного Абстрактное значение устойчивости (терминальности) и неустойчивости (прогрессивности)

Таким образом, наряду с фонологической системой имеет место и интонологическая система языка, основой которой является рассматриваемая лингвистическая ладовая структура. Как и фонологическая система, лежащая в основе языковых единиц всех уровней, интонологическая система также пронизывает все уровни языка и тесно связана с собственно языковой системой, составляя ее неотъемлемую часть.

Если каждая из восьми турецких гласных (вернее, каждая совокупность аллофонов) является в рамках фонологической системы турецкого языка соответствующей фонемой, то одновременно, реализуясь на определенной ЧОТ, каждая из них имеет в рамках ладовой структуры значение одной из семи ступеней лада, в связи с чем их целесообразно было бы называть гармонемами. Фонема и гармонема суть различные стороны, или измерения, одной и той же единицы языковой системы. Гармонема является минимальной интонологической единицей.

Так же, как фонема не является еще полнозначной мельчайшей единицей языка (она имеет, как правило, смысловоразличительную функцию), гласная фонема не может полноценно выполнять и функцию гармонемы. Только гласные в турецком языке могут быть слогообразующими, а потому все согласные важны с точки зрения интонологии лишь как элементы, образующие границы слога, обрамляющие и организующие гармонему. В этой связи приведенное выше определение необходимо дополнить следующим образом: полноценная гармонема в основе основ является одновременно и эквивалентом морфемы (уточнение «в основе основ» здесь необходимо, так как не каждый фонетический слог, конечно, обязательно совпадает с планом выражения морфемы).

Единицей языковой системы следующего уровня является слово. Как и в случае фонемы и морфемы, план выражения этой единицы совпадает с планом выражения соответствующей интонологической единицы, которую целесообразно было бы назвать тактемой. В статье, посвященной анализу ритмических особенностей тех же турецких разговорных фраз, что исследуются в настоящей работе [17], речевым тактом мы называли отрезок между двумя последовательными максимумами интегральной интенсивности слогов. В таком виде речевой такт является лишь структурирующим элементом речи, который не соотносится непосредственно с планом содержания. С другой стороны, фонетическое слово связано с речевым тактом тем, что через него проходит, как правило, одна тактовая черта, т. е. оно имеет одно тактовое ударение. Так, из всего числа слов, содержащихся в исследованных 49 предложениях, 78,7% (155 слов) несут на себе одно тактовое ударение; в 12,2% (24 случая) одно тактовое ударение объединяет два слова (сюда же входит один-единственный случай объединения тактовым ударением сразу трех слов); в оставшихся 9,1% (18 слов) одно слово имеет два тактовых ударения. Эти данные убедительно показывают, что в турецкой устной речи, как правило, на каждый речевой такт приходится одно слово. Аналогичная закономерность наблюдается и в русской разговорной речи [18, с. 7]. План выражения тактемы отличается от такта тем, что границы первой обычно не совпадают с границами такта, — тактема, или фонетическое слово, чаще всего начинается в одном такте и заканчивается в следующем. Такая трактовка представляется более целесообразной по сравнению с простым отождествлением такта с фонетическим словом (под термином «такт» многие исследователи понимают «совокупность слогов, объединенных одним полным словесным ударением» [19]).

Фонетическое слово с точки зрения интонологии важно как организованный набор (главных и второстепенных) тонов, соотносящихся с ладовой структурой и дающих одну определенную гармоническую окраску; с этой точки зрения оно и является тактемой, т. е. единицей интонологической (см. табл. 2).

Максимум интегральной интенсивности не является единственным организующим элементом тактемы. Наряду с ним важны также: 1) повышение в начале и понижение в конце тактемы ЧОТ с соответствующим высот-

Единица	План выражения	План содержания
Слово,	Фонетическое слово	Совокупность соответствующих системных связей в языке
Тактема	Фонетическое слово	Совокупность системных связей слоговых тонов в рамках лада

ным максимумом в ее пределах (высотные вершины тактем вынесены в записях примеров на отдельный нотный стан сверху) и 2) максимум (обычно также один) стабильной длительности тона и его суммарной интенсивности за время стабильного звучания (в пределах тактемы). Поясним сказанное на нескольких примерах (см. рис. 1—3)³.

В данных трех фразах каждому слову соответствует одна тактема (тактемы выделены лигами). Исключение составляют слова *bu özel*, входящие в одну тактему в последнем примере (рис. 3). Это объясняется тем, что в разговорных фразах в силу ситуативной обусловленности речи тема часто оказывается избыточной и соответствующее слово, ее выражающее (здесь местоимение *bu*), теряет ударность. Аналогичная закономерность наблюдается и в русской разговорной речи [18, с. 20].

В тактемах *basamakta*, *yasaktır*, *bende*, *degil* в основных чертах наблюдается вначале повышение, затем кульминация и спад высоты тона. В *durmak*, *kabahat*, *bu özel* тактема начинается с наиболее высокого тона. В случае *degil* (второй пример) кульминация высоты приходится, наоборот, на конец. Тактема *araba* составляет исключение, она состоит из трех тонов одной высоты.

На нижнем нотном стане выписаны звуки, составляющие кульминацию певучести в тактеме (они имеют наибольшую суммарную интенсивность за период стабильного звучания тона, см. нижнюю строку цифр в примерах). Рассматриваемые три типа кульминаций в тактеме (максимум слоговой суммарной интенсивности, кульминация высоты тона и максимум певучести) могут совпадать, как в обоих тактемах *degil* (здесь не все три максимума приходятся на один и тот же тон, но все они в пределах одного слога), либо не совпадать, как в *basamakta*, *yasaktır*, *bu özel*, где совпадают лишь ударный слог и максимум певучести, а высотная вершина приходится на слабую долю такта, или в *bende*, где совпадают высотный максимум и ударный слог, а на слабую долю приходится максимум певучести. В тактеме *durmak* совпадают высотный максимум и максимум певучести, но они оба приходятся на безударную долю такта. Совпадение всех трех максимумов на одном слоге создает интонацию категоричности, которая отчетливо слышится на слове *degil* во втором и третьем примерах.

³ Переводы приведенных примеров: 1) «Стоять на подножке запрещается!» 2) «Я не виноват!» 3) «Это (Вам) не частный автомобиль!».

Строка цифр (а) — длительность стабильного звучания (ДСЗ) в мс, строка (б) — суммарная интенсивность данного тона (СИ) в см.

Длительности нот соответствуют не собственно длительности звуков, а длительности слога (или его части), который данная нота представляет. Например, длительность первого такта первого примера составляет 300 мс и, соответственно, шестнадцатой ноты — 25 мс, фактически же звук ре диэз длится лишь 20 мс. Для второго такта соотношения временных отрезков и фактической длительности: 102 : 15, 102 : 15, 51 : 20, 51 : 40 и т. д. При проигрывании на музыкальном инструменте некоторого сходства с фактической речевой интонацией можно добиться лишь исполнением нот острым стаккато и в необходимом темпе.

300 мс 410 мс 650 мс

Basamakta / durmak / yas a ktır

a) ДСЗ - 20 15 15 20 40 - - 14 14 10 60 20

б) СИ - 4 6 5 3 9 - - 2 2 I 12 6

Рис. 1

480 мс 240 мс

K a b a h a t / b e n d e / d e ğ i l

a) ДСЗ 20 13 18 18 80 18 20 30 40 15 20 - 40 4

б) СИ 17 8 8 7 65 10 22 34 40 18 17 - 31 4

Рис. 2

470 мс 370 мс

B u // ö z e l / a r a b a / d e ğ i l

a) ДСЗ 20 20 30 100 16 16 10 20 90 80 80 20 140 20

б) СИ 8 10 15 50 5 3 2 27 20 20 7 50 7

Рис. 3

Как уже отмечалось, в такте подчеркивается определенная ступень лада, или гармония, оттеняемая другими, менее певучими тонами. Так, тактема *yasaktır* имеет доминантную окраску (Д) (ступени II и IV), которая лишь в самом конце сменяется относительной устойчивостью III ступени (Т'), т. е. гармонический план здесь можно было бы обозначить: Д — (Т'). Тактема *basamakta* имеет, наоборот, яркую тоническую окраску (Т) (ступени I, III и V).

В настоящей работе, посвященной рассмотрению лишь гармонемы и тактемы, необходимо ограничиться этими общими замечаниями, так как конкретные лингвистические возможности речевой гармонии полноценно выявляются на больших отрезках — синтагмах, предложениях, текстовых единствах, которым также, по нашему мнению, соответствует интоналогические единицы. Их целесообразно было бы назвать соответственно мелодемой, интономой и композемой и рассмотреть в отдельной работе. Отметим лишь, что каждое из приведенных трех высказываний является интономой с гармоническим планом: 1) Т — (II) // Д — (Т'), 2) Д (или субдоминанта С) // (Т') — Д — Т, 3) Д // Т — Д — Т — (Д) или, если ограничиться только основными чертами: 1) Т // Д, 2) Д // Д — Т, 3) Д // Т — Д — Т. Таким образом, налицо объединение частей высказывания в единое целое и одновременное выделение и противопоставление их на основе соотношения устойчивости и неустойчивости (смены гармоний тоники и доминанты). Для фраз с терминальной интонацией (рис. 2 и 3) характерно окончание на тонике.

Возвращаясь к рассмотрению особенностей тактемы, напомним, что ее выделение в качестве интоналогической единицы основывалось на соответствии «слово — такт». В этой связи важно остановиться на случаях речевых отклонений от этого соответствия. Случаи объединения в одной тактеме двух слов и, наоборот, разбивки одного слова на две тактемы составляют особенность турецкой разговорной речи и зависят от действия двух факторов: 1) степени коммуникативной нагрузки данного слова и 2) требований ритма.

Два тактовых ударения на одном слове могут наблюдаться тогда, когда оно оказывается сравнительно длинным и не уместается в одном такте (в примерах ниже вертикальная черта показывает границу такта): *Neden böyle yapıyorsunuz?* «Почему Вы так поступаете?». Действие только ритмического фактора наблюдается, однако, редко. Обычно в рассматриваемых случаях данное слово интонационно выделяется, оно несет повышенную коммуникативную нагрузку: *Alay eder misin benimle?* «Будешь ли ты со мной шутить?»; *Görülüyor efendim... Duvarlar badana... h...* «Это, знаете ли, видно... Стены побелены...»; *Benzin parasının bile karşılığı değil verdiğini!* «Того, что Вы даете, не хватит даже на бензин!».

Рассматриваемое слово не обязательно имеет на себе главное логическое ударение; оно часто входит в состав ремы и выделяется вместе с главным выделяемым словом, стоящим рядом: *Yanlış anladın tutumumu!* «Неправильно ты понял мою позицию!». Иногда двудударное слово располагается в теме высказывания, но оно все равно оказывается связанным с

второстепенным центром коммуникативного выделения: *Uçuncü peron sözü kulağıma ilişi verdi* «До моего слуха донеслись слова „третий перрон“».

Те случаи, когда слово не несет тактового ударения, иногда вызваны чисто ритмическим фактором; безударное слово стоит рядом с двудударным, т. е. наблюдается своего рода смещение тактового ударения: *Bugün kentler taşıma araçlarının çeşidiyle doludur* «Сегодня города забиты различными средствами транспорта»; *Oldum olası severim şu tren yolculuğunu*. «Я всегда любил эти поездки на поезде».

Уточняя определение тактемы, можно сказать, что она соответствует прежде всего полнозначному слову. Что же касается последогов, частиц, *bir* в роли артикля, местоимений, то они обычно входят в состав одной тактемы вместе с тем полнозначным словом, к которому относятся: *Maşallah! Ne kadar zevkli döşemişsiniz evinizi* «Слава богу, как хорошо вы обставили свой дом!»; *Buda mı sanat eseri?* «А это что, тоже произведение искусства?»; *Şimdi bırakalım bu sözleri, canım!* «Давай сейчас не будет говорить об этом, дорогой!»; *Bu tramvay Bebeğe gider mi?* «Этот трамвай идет в Бебек?». Вместе с тем частицы и местоимения могут иногда и составлять отдельную тактему под действием ритмического фактора: *Şimdi sırası mı ya?* «Разве сейчас время для этого?» или при их сильном коммуникативном выделении: *Borcumuz ne kadar tuttu?* «Сколько мы (вам) должны?».

Важно отметить, что место ударения в такте, состоящем из двух слов, может приходиться как на полнозначное, так и на служебное слово. Так, наш материал не позволяет согласиться с распространенным тезисом о безударности «примыкающего элемента такта», выраженного служебным словом [20]: *Bana bir şeycikler olmaz* «Со мной ничегошеньки не случится», см. также выше пример с *bu da mı*. В этом отношении показателен также следующий пример, где вспомогательный глагол в одном случае несёт, а в другом не несет тактовое ударение: *Yasak etmeli efendim, yasak etmeli bu filimleri!* «Запретить нужно, слышите, запретить такие фильмы!».

Единую тактему часто составляют, особенно в разговорной речи, такие сочетания двух слов (определение и определяемое), где выражаемое значение мыслится говорящим как единое понятие: *Biz şoför milleti sinirli oluyoruz*

ruz «Мы, шоферы, бывает, нервничаем»; *Oğlum, bunlar eeeh hep gene işi şeyler!* «Сынок, да это все для молодых!»; *Gitmedim başka yere!* «Никуда больше я не ходил!»; *Bak sanıza şu Bazenin Sen nehri kıyısında çocuk adlı tablosuna* «Посмотрите на эту картину Базена под названием „Ребенок на берегу Сены“».

Отдельную тактему часто не образуют слова, выражающие избыточную в условиях разговорной речи тему сообщения (слова *şifreyi* и *derler*): *Ta'mam, ben sök'tüm şifreyi* «Все, я разобрал шифр»; *Sonra sır'ta har'dal yapıştırmak iyi gelir der'ler* «Потом, говорят, хорошо поставить на спину горчичники».

Особенностью разговорной речи является также то, что при замещении в предложении одной синтаксической позиции двумя словами (не составляющими словосочетания) они образуют одну тактему. Именно с этим связано интонационное отличие в оформлении однородных членов предложения, типичных для письменной разновидности языка, от парных членов, типичных для разговорной речи. Если однородные члены предложения уточняют и развивают пропозитивную номинацию, то парные члены в разговорной фразе могут уточнять комплекс грамматических значений предложения, составляя один из типов разговорных предикативных конструкций [21]. *Gezmek toz'mak bi'le parayla' olur* «Даже просто пойти пройтись, и то стоит денег!» (по условиям контекста слова *parayla olur* являются избыточной темой, отсюда и их объединение в одной тактеме.)

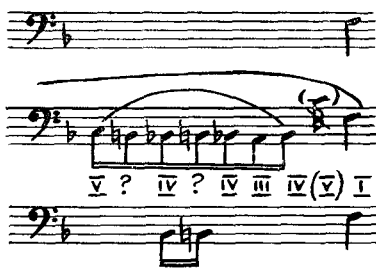
Ударение в отдельно взятом слове, с одной стороны, и речевое тактовое ударение, с другой, имеют один и тот же физико-акустический коррелят — максимум интегральной интенсивности слога. Данные по силовым вершинам тактем в исследовавшихся нами разговорных фразах подтверждают вывод о частом несовпадении ударения в отдельно взятом слове и в речевой цепи, о чем пишут многие исследователи турецкого ударения [22]. В этой связи, однако, трудно согласиться с мнением Л. Н. Старостова о том, что словесное ударение «не входит в состав постоянной фонетической характеристики слова» [23]. Известно, что всякое слово, употребляясь в речи, обычно несколько меняет, конкретизирует свое значение. Поэтому естественно ожидать, что и его внешняя форма может при этом изменяться, деформироваться в речи. Кроме того, здесь должен также учитываться тип речи. В разговорной речи расхождение тактового и словесного ударений наблюдается чаще, чем в письменной.

В нашем материале в 91 случае (47%) тактовое ударение совпало с ударением в отдельно взятом слове и в 103 случаях (53%) не совпало с ним. Для сравнения нами был исследован (без применения экспериментальных средств) записанный на магнитофонную пленку отрывок из передачи последних известий анкарского радио летом 1974 г. с правительственным сообщением о высадке турецких войск на Кипре, который может считаться типичным для устной реализации письменной разновидности турецкого литературного языка. В отрывке содержится 160 слов. В нем несовпадение

bir seycikler

Рис. 4

t o z m a k

Рис. 5

тактового и словесного ударений наблюдается лишь в 18 словах (11,3%), что значительно ниже приведенной выше цифры для разговорной речи.

Выше были кратко рассмотрены не только силовые максимумы (ударные слоги) тактем, но и их высотные максимумы, максимумы певучести и слоги гармонической устойчивости. Весьма интересно, что во многих случаях на месте бывшего словесного ударения звучит устойчивый или относительно устойчивый тон лада (I или III ступень), что даже при отсутствии на данном слоге других максимумов придает ему характер интонационно-ладовой опорности, выделяя данный слог как словесно ударный. В некоторых случаях отсутствие тактового ударения на обычном ударном слоге словоформы компенсировалось одновременным наличием на нем всех других максимумов — максимумов высоты и певучести, а также ладовой устойчивости. В качестве примеров приведем лишь две тактемы, которые встречаются в рассмотренных ранее фразах, *bir seycikler* и *toz mak* (см. рис. 4 и 5).

Из упоминавшихся выше 103 случаев несовпадения тактового и словесного ударений в 31 случае на месте словесного ударения наблюдался след (от этой ударности) в виде высотного максимума, в 47 случаях — в виде максимума певучести и в 27 случаях — в виде устойчивых тонов (I и III ступень). Лишь в еще 27 случаях (сумма цифр оказывается больше 103, так как во многих случаях имеется сразу два или три показателя) на слоге словесного ударения не было никаких кульминативных или ладовых следов. Эти 27 слов относительно общего числа учтенных слов ⁴ в количестве 194 составляют лишь 13,9%, т. е. в целом, несмотря на частые случаи смещения силового словесного ударения, в турецкой разговорной речи обычное для данного слова ударение отмечается другими соответствующими максимумами и ладовыми средствами. Как уже отмечалось, слог словесного ударения часто выделяется сразу несколькими несиловыми максимумами. Так, из указанных выше 31 случая только одним высотным максимумом этот слог выделялся лишь в 17; из 47 случаев выделения певучестью только в 28 этот способ выделения был единственным.

Выводы

1. Широко распространенное представление о просодических единицах как единицах непредельных и вытекающее отсюда их принципиальное противопоставление единицам обычным, т. е. предельным, на наш взгляд не выдерживает критики и объясняется неизученностью соответствующих

⁴ По техническим причинам несколько слов было исключено из рассмотрения.

интонологических единиц. Это, в свою очередь, проистекает от неучета лингвистами музыкально-гармонической стороны речи. В пользу вывода о том, что речь обладает музыкально-гармоническими закономерностями говорит следующее: а) сами звуки по своей физической природе не могут не соотноситься друг с другом своими ладово-гармоническими характеристиками, б) мнение теоретиков музыки об общем происхождении речевой интонации и музыки и в) экспериментальные данные — в 84,7% исследованных случаев тоны достаточной выделенности ложатся на ту или иную ступень музыкального лада. Турецкая речь обладает, таким образом, квантованным характером интонационно-мелодических переходов.

2. Наличие у речи музыкально-гармонической стороны позволяет сделать вывод о существовании собственно лингвистической ладовой структуры, которая может рассматриваться как на абстрактном уровне (в нашей работе в качестве первого приближения выбраны мажорный и минорный лады европейской музыки), так и на более конкретном уровне в том смысле, что звуки каждого речевого отрезка соотносятся в рамках определенной тональности.

3. Представление о единицах языка — фонеме, морфеме, слове, словосочетании, предложении, фразовом единстве — как о единицах, входящих лишь в парадигматические и синтагматические связи в рамках языковой системы, является, на наш взгляд, существенно неполным. Материальные оболочки (план выражения) этих единиц соотносятся еще и в рамках языковой ладовой структуры, выражая при этом целый ряд специализированных лингвистически значимых интонационных значений, важнейшими из которых являются значения терминальности и прогрессивности (план содержания). Поэтому эти же единицы, рассмотренные в плане интонации и просодики, обнаруживают особую сторону, являясь, таким образом, одновременно и единицами интонологическими, т. е. соответственно гармонемой (соответствует гласной фонеме, обрамленной согласными, или морфеме), тактемой, мелодемой, интономемой, композемой.

4. Тактема, особенностям которой в основном посвящена работа, организуется наличием в пределах звучания слова трех вершин: силовой, высотной и вершины певучести, которые могут совпадать на одном слоге или, наоборот, приходится на разные слоги слова. Если гармонема задает тон, соответствующий той или иной ступени тональности, то тактема представляет собой некоторое сочетание тонов, образующих определенную гармоническую окраску.

5. Интонема, соответствующая предложению, организована сменой устойчивых и неустойчивых гармоний. Интонема повествовательного предложения в турецком языке оканчивается на тонике.

6. Краеугольным камнем излагаемой теории является совпадение материальной оболочки тактемы и слова, т. е. тот факт, что, как правило, на каждое слово приходится по одному максимуму силы, высоты и певучести. Силовой максимум приходится на одно слово в 78,7% исследованных случаев.

7. Речевые отклонения (две силовые вершины на одном слове или одна вершина на двух словах) вызываются двумя типами факторов: а) требованиями речевого ритма и б) степенью коммуникативной нагрузки слова. К первому типу относятся случаи смещения тактового ударения, когда двуударное слово стоит рядом с безударным.

8. Особенность турецкой литературной разговорной речи, отличающая ее от устной реализации письменной разновидности турецкого литературного языка, связана со случаями нарушения принципа одно

слово — одно тактовое ударение по причине обилия коммуникативно ослабленных слов (вторая группа факторов из предыдущего пункта): а) не образуют отдельной тактемы слова, обозначающие избыточную в данных речевых условиях тему сообщения, б) пара слов, замещающих в разговорной фразе одну и ту же синтаксическую позицию, образует одну тактему, в) два слова, мыслимые говорящим как единое понятие, также обычно оформляются в виде одной тактемы.

9. Тактему образуют лишь полнозначные слова. При этом важно, что в турецком языке в тактеме, образованной сочетанием полнозначного и служебного слов, тактовое ударение может приходиться как на одно, так и на другое из этих слов.

10. Еще одной особенностью турецкой разговорной речи является то, что в большей части слов (в нашем материале — 53%) наблюдается несовпадение тактового и словесного ударений. В устной реализации письменной разновидности степень этого несовпадения значительно ниже (по нашим данным, на уровне 11,3%). В случае несовпадения тактового и словесного ударений в разговорной речи на слоге словесного ударения наблюдается след в виде других максимумов. Случаи неотмеченности этого слога никакими речевыми максимумами составили в нашем материале лишь 13,9%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 88.
2. Леонтьева И. Г. Функциональная теория интонации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1976.
3. Essen O. Allgemeine und angewandte Phonetik. B., 1979.
4. Bolinger D. Intonation. L., 1972. P. 53.
5. Storm J. Englische Philologie. Bd I. Leipzig, 1892. S. 207.
6. Pierson P. Métrique naturelle du langage. P., 1884.
7. Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig, 1926. S. 241.
8. Nash R. Turkish intonation. The Hague — Paris, 1973. P. 41.
9. Van Schooneveld C. H. The sentence intonation of contemporary standard Russian as a linguistic structure. The Hague, 1961. P. 9.
10. Pike K. L. The intonation of American English. Ann Arbor, 1956. P. 20.
11. Тэйлор Ч. А. Физика музыкальных звуков. М., 1976. С. 136.
12. Асафьев Б. В. Избр. тр. Т. V. М., 1957. С. 164.
13. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 102—103.
14. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979. С. 197.
15. Григорьев С. Теоретический курс гармонии. М., 1981. С. 137—138.
16. Дарваш Г. Книга о музыке. М., 1983. С. 123.
17. Щека Ю. В. Роль речевого ритма в актуальном членении турецкой разговорной фразы // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1987. № 4.
18. Русская разговорная речь / Под ред. Земской Е. А. М., 1983.
19. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 188.
20. Махаматов А. Акцентуация речевого такта в русском и узбекском языках // СТ. 1985. № 5. С. 46.
21. Щека Ю. В. О соотношении парных членов предложения и некоторых типов предикативных конструкций в турецкой разговорной речи // СТ. 1983. № 6. С. 68.
22. Потапова Т. Д. Словесное ударение в турецком языке // СТ. 1983. № 3. С. 57 и 62.
23. Старостов Л. Н. Об ударении в турецком языке // Тр. Военного ин-та ин. яз. 1953. № 2. С. 110.